

Ludwika Jochym-Kuszlikowa

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДОВ
РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Хотя русский и польский языки обладают схожим грамматическим строем, а также похожей лексико-семантической системой, то при соблюдении полной эквивалентности перевода с одного языка на другой с учетом всех функционально-прагматических факторов требуются особые структурно-функциональные средства передачи смысла оригинала на языке перевода. Одним из таких немаловажных средств является синтаксическая деривация.

Этот термин употребляется ниже в значении, которым наделил его Е. Курилович еще в 1936 году: "Синтаксический периват - это форма с тем же лексическим значением, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией; она обладает синтаксической морфемой"¹. В таком же значении употребляют термин "синтаксическая деривация" до настоящего времени в своих работах многие русские исследователи современного словообразования, например, Е. А. Земская², О. П. Ерма-

---

¹ J. Kuryłowicz, *Dérivation lexicale et dérivation syntaxique*, Bulletin de la Société Linguistique de Paris 1937, s. 79 - 92, цит. по: Е. Курилович, *Деривация лексическая и деривация синтаксическая*, /в:/ *Очерки по лингвистике*, Москва 1962, с. 61.

² Е. А. Земская, *Современный русский язык. Словообразование*, Москва 1973; *Современный русский язык* под ред. В. А. Белошапковой, Москва 1981, с. 190 - 193.

кова³ и др. С другой стороны, теоретическая литература, рассматривающая параллелизм логико-синтаксических соотношений компонентов деривата и членов предложения, очень богата и разнородна. Исследователи творчески развивают идеи Куриловича, особенно в Польше⁴. Много внимания указанным проблемам уделял чешский ученый М. Докулил, который в упомянутых выше случаях говорит за Ш. Балли не о синтаксической деривации, а о транспозиции⁵. Авторы новейшей грамматики современного польского языка⁶ во многом следуют терминологии Докулила. Часто, однако, в трудах лингвистов синтаксической деривацией называются разные явления другого рода⁷.

Для наших целей, а именно для сопоставительного анализа материала, отобранного из произведений художественной литературы, подходящим кажется самое общее немодифицированное содержание термина "синтаксическая деривация" в понимании Куриловича; иногда синонимично употребляется здесь также термин "транспозиция". Итак, настоящий анализ касается прежде всего области функционирования исследуемой словообразова-

³О. П. Ермакова, Лексические значения производных слов в русском языке, Москва 1984, с. 10 - 12.

⁴W. Doroszewski, Kategorie słowotwórcze, Sprawozdanie TNW, 1946, s. 20 - 42; A. Heinz, Funkcja egzocentryczna rzeczownika, Wrocław 1957, Ossolineum; M. Brodowska-Honowska, Zarys klasyfikacji polskich derywatów, Wrocław 1967, Ossolineum; R. Laskowski, Derywacja rzeczowników w dialektach łaskich, cz. I, Wrocław 1966; II: Аламец, О семантико-синтаксических функциях deverбальных и деаггективных существительных, Научные доклады высшей школы, Филологические науки 1973/4, с. 40 - 47.

⁵M. Dokulil, Tvoření slov v češtině, Praha 1962.

⁶Gramatyka współczesnego języka polskiego pod red. R. Grzegorzczukowej, R. Laskowskiego, H. Wróbla, Warszawa 1984, PWN, s. 319 - 326.

⁷Ср. например, Е. А. Гинзбург, Словообразование и синтаксис, Москва 1979; И. Б. Шатуновский, Проблемы словообразовательной транспозиции. Автореферат канд. диссертации, Москва 1982; S. Karolak, Struktura słowiańskich formacji słowotwórczych a struktura zdania, /w:/ Z polskich studiów slawistycznych, Seria 4, Językoznawstwo, Warszawa 1972, s. 65 - 73.

тельной категории, но - как выясняется в ходе анализа - при сопоставительном описании затрагиваются в равной мере и область форм, и область семантики, не только на уровне словообразования⁸.

Обычно в группу синтаксических дериватов включают 4 вида образований:

1. Отглагольные существительные со значением отвлеченного действия. В русском языке это в основном существительные типа: переклеивание, раздумывание, подборка, развеска, вывоз, отъезд, ходьба, косьба, молотьба и т. п.; в польском же языке, например: *przeklewanie, przesywanie, chodzenie, bieg, odjazd, wywóz, młócka, kośba, rozważenie, przepłynięcie* itd.

2. Отадъективные существительные со значением отвлеченного признака с соответствующими друг другу русскими и польскими суффиксами: -ость/-ość, -изна/-izna, -ота/-ota, -б/-b и некот. др., ср.: веселость, звонкость, желтизна, крутизна, чернота, ширина, глубина, синева, синь, глушь и т. п.; *wesołość, dźwięczność, żółtość, żółć, biel, głuchota, tępota, szprowacizna*.

Из приведенного выше перечня самых продуктивных формантов, производящих данные отвлеченные существительные, в русском и польском языках в этой области очень много сходного в чисто структурном и лексико-семантическом отношениях, хотя не всегда наблюдается полный параллелизм словообразовательной структуры в парах лексических эквивалентов, ср.: белизна - *białość, biel*, тупость - *tępota*, чернота - *czarność, czerni*, глубина - *głębokość*, крутизна - *stromość*, круча - *stromizna* и т. п.

---

⁸ Функциональные категории контрастивности, по мнению В.Г. Гака, это: "а) использование маркированных/немаркированных форм; б) использование форм в первичном/вторичном значениях; в) несовпадение ядерных/периферийных явлений; г) частотность; д) функциональные лакуны и др.", см.: В. Г. Гак, Об универсальных закономерностях контрастивного анализа языков, /В:/ Типы языковых общностей и методы их изучения, Тезисы III Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания, Москва 1984, с. 34.

3. О. П. Ермакова видит синтаксические дериваты во многих отсубстантивных и отглагольных прилагательных, выражающих "общее неконкретизированное отношение к предмету или действию, типа: комнатный, дорожный, лесной, вкусовой, сосновый, фронтальной, жестяной, соломенный, бараний, соловьиный, московский, стиральный, гладильный и т. п."⁹ Аналогичные примеры можем привести из польского языка, где самыми продуктивными в рассматриваемой функции являются форманты, часто аналогичные или сходные с русскими, ср.: *leśny, mięsny, pokojowy, rowerowy, warszawski, dziennikarski, robotniczy, ostrzegawczy* itp.

4. Отадъективные наречия с суффиксами -о, -е, -и и префиксально-суффиксальные типа: бело, глухо, ласково, певуче, чаруше, героически, по-серьезному, по-глупому и т. п.¹⁰, а также польские, ср.: *biało, słodko, gorzko, śpiewnie, gniewnie, czarująco, bohatercko, głupio, po dziecinności, po kobiecości, po raijku* обладают несомненно признаками синтаксических дериватов.

Итак, О. П. Ермакова считает, что в русском языке "есть функциональная субстантивная и адъективная транспозиция глагола, субстантивная транспозиция прилагательного, адъективная транспозиция существительного и наречная транспозиция прилагательного"¹¹. К этому списку можно бы добавить еще глагольную транспозицию прилагательного, ср.: *хромой - хро-мает; chory - choruje*.

Приведенные выше русские и польские примеры синтаксических дериватов убеждают в том, что на эмическом, системном уровне в обоих языках можно говорить о некоторой аналогии в плане содержания и в плане выражения. Нет такой симметричности в функциональном плане, т. е. когда сопоставляем конкретные случаи применения синтаксических дериватов в оригинальных и переводных текстах.

⁹О. П. Ермакова, указ. соч., с. 11.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

А. В. Бондарко подчеркивает, что "понятие функционально-семантического поля отражает явления взаимодействия элементов разных языковых уровней, в полной мере раскрывающиеся при функционировании в речи"¹².

Правы авторы доклада, прочитанного на Конгрессе МАПРЯЛа в Праге в 1982 году, когда говорят, что "при близости языковых средств на уровне выражения, а также при возможной системной соотносительности (например, грамматических и лексико-грамматических категорий), их функционально-семантический объем, а также границы их функционирования в близкородственных славянских языках, как правило, не совпадают"¹³.

Ниже приводим результаты проверки проштитированного тезиса на конкретном языковом материале в области синтаксической перивации.

НАЗВАНИЯ ДЕЙСТВИЯ

Часто русские личные формы глагола передаются в польском переводе с помощью синтаксических периватов, ср.: Картошки с велро она Андрею уташила, а муку отсыпать побоялась (Расп. Ж. 36)¹⁴; *Wiadro ziemniaków wyniosła dla Andrzeja z domu, ale na odsuwanie mąki już nie starczyło jej odwagi* (44). Хотя в польском языке есть глагол bać się, полный лексико-семантический эквивалент русского бояться, хотя есть структурно-семантическое соответствие префикса по- : ро- (ср. пoучитьсЯ - роуczyć się), то форму побоялась необходимо перевести только описательно. По всей вероятности, именно

¹²А. В. Бондарко, Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии, Ленинград 1983, с. 21.

¹³Г. Дергачева, Т. Константинова, Г. Нешименко, А. Широкова, Преподавание русского языка в свете сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков, /в:/ Тезисы докладов и сообщений, V Международный Конгресс преподавателей русского языка и литературы, Прага 1982, с. 134.

¹⁴См. прилагаемый список источников.

необходимость описательной передачи основного действия вызвала и замену инфинитива отсыпать отглагольным существительным, тем более, что стилистически требовалась инверсия объекта действия (чего побоялась?), а это было бы невозможно при сохранении инфинитива в польском языке.

Так же сильно инверсивным путем акцентируется действие в следующих примерах, ср.: Сказать ему нечего было даже самому себе (Расп. Ж. 28); А do powiedzenia nie miał nic, nawet samemu sobie (33). Но ждать, когда не знаешь как следует, чего ждешь, было больше невоготу. (Расп. Ж. 9); Czekanie, kiedy się dobrze nie wie, na co, było jednak ponad jej siły (8).

Иногда единственно возможным способом передачи значения русского приставочного глагола является сочетание лексически обедненного польского глагола с отглагольным существительным со значением основного действия, ср.: Настена обычно отмалчивалась (Расп. Ж. 13); Nasta zazwyczaj zbywała ją milczeniem (13), где такой перевод вызван отсутствием польского глагола аналогичной словообразовательной структуры.

Похож и следующий пример: А когда очнулся и поверил, что будет жить, утешился: все, отвоевался. (Расп. Ж. 25); /.../ а kiedy odzyskał świadomość i uwierzył, że będzie żył, poczuł ulgę: no tym razem basta, koniec z wojaczką (29). В последнем случае значение, вносимое в русский глагол отвоевался формантом от- + -ся, передается лексически, ср.: словосочетание koniec z wojaczką.

Два приводимых ниже предложения вместе с их переводами на польский язык свидетельствуют о том, что вполне возможен буквальный перевод русских глаголов на польский язык, однако переводчик для стилистических целей предпочитает употреблять синтаксические дериваты вперемежку с их производящими, ср.: Хорошо еще, что ей не надо было ничего объяснять, не надо было вообще разговаривать: как по заказу, на удивление убого и удачно ему подвергнулась женщина, у которой бог отнял слово. (Расп. Ж. 28); Dobrze jeszcze, że nie trzeba by-

ło jej tłumaczyć, w ogóle nie było potrzeby rozmawiania z nią; jakby na zamówienie, nad podziw wygodnie i szczęśliwie, natrafił na kobietę, której Bóg odjął mowę (33). Он боялся ехать на фронт, но больше этой боязни была обида и злость на все то, что возвращало его обратно на войну, не дав по-бывать дома (Расп. Ж. 25); Andrzej bał się jechać na front, ale jeszcze większa od tej obawy była uraza i złość na to wszystko, co wracało go wojnie nie pozwalając nawet na krótki robyt w domu. (30)

При сопоставлении буквальных эквивалентов русского и польского языков на системном уровне наблюдается несоответствие стилистической отмеченности предложений. Это наглядно видно в паре предложений: Рано хороните (Расп. Ж. 23); Rośpieszyliście się z moim pochówkiem (26). Дословный перевод: Wczesnie grzebiecie, во-первых, не дает полной информации о реальной действительности, так как здесь имеем дело с синтаксически связанным значением, во-вторых, не сохраняется оттенок разговорности, присущий русскому предложению. Итак, оценивая перевод, следует подчеркнуть языковое чутье переводчика, который уместно заменил глагол отглагольным существительным.

Замена личных форм глаголов синтаксическими дериватами в следующем предложении, как нам кажется, вызвана — между прочим — разной частотной характеристикой определенных форм в сопоставляемых языках, ср.: Дышал он шумно и часто, натягивая грудь, словно после тяжелого бега (Расп. Ж. 16); Oddech miał krótki i świszczący, jakby długo biegł przedtem (17). Передача формы дышал существительным вызывает и замену обстоятельственных слов определениями, причем их выбор подчинен общим правилам семантической сочетаемости слов в польском языке, и поэтому пословно переводить данное предложение нельзя, ср., например, дышал он часто — oddech miał krótki, но неприемлемо *oddech miał częsty, хотя на самом деле описывается одно и то же явление реальной действительности.

Выше рассматривались примеры, когда русским личным формам глаголов функционально соответствовали отглагольные существительные. Возможны также и обратные случаи, т. е. русские синтаксические дериваты переводятся глагольными формами, ср.: Утром, когда поднялись, Михеич как будто даже обрадовался тому, что Настене выпала эта поездка (Расп. Ж. 34); Rankiem, kiedy wstawali, Micheicz nawet jakby się ucieszył, że Nasta ma jechać do Kardy (42), ср. также пример, рассматриваемый выше: словно после тяжелого бега (Расп. Ж. 16) — jakby długo biegł przedtem (17).

Название действия, как известно, в первую очередь связано с составом сказуемого. Но способ перевода слов со значением действия и состояния не зависит от их синтаксической функции, от того, каким членом предложения они являются. Это было видно на примерах, приведенных выше, в такой же степени, как и рассматриваемых ниже. Иногда только сильнее проявляется предикативный, объектный или обстоятельственный оттенок значения, который может передаваться в польском языке также отдельными предикативными единицами (придаточным предложением), ср.: /.../ которая согласилась взять его на ночевку (Расп. Ж. 28); która zgodziła się przenosić go i zabrała do siebie (33). Гуськов вспомнил показательный расстрел, который ему довелось видеть весной сорок второго года, когда он только что пришел в разведку (Расп. Ж. 27); Przypomniał sobie, jak wiosną czterdziestego drugiego roku, zaraz po tym, kiedy przyszedł do zwiadu, widział jak rozstrzeliwano ludzi dla przykładu (32). Настена кинулась в замужество, как в воду, — без лишних раздумий. (Расп. Ж. 13); Nasta wskoczyła w małżeństwo jak do wody, nie namyślając się wiele (13). /.../ хотелось верить: должно же для них выйти особое, судьбой данное помилование /.../ (Расп. Ж. 24); /.../ zaczynali wierzyć, iż los przecież musi się nad nimi specjalnie zlitować (28). /.../ что ранен и что после поправки на несколько дней должны отпустить домой (Расп. Ж. 15); /.../ że był ranny i że, jak wydobreje, chyba na parę dni puszcza go do domu (16).

Мысль о спасении казалась в то время бессмысленной (Расп. Ж. 2); Myśl, że można z tego wyjść cało, wydawała się wówczas bezsenssem (26).

Хотя в последнем случае возможен и дословный перевод, то приведенное предложение следует признать стилистически более адекватным оригиналу.

Рассмотрим еще следующий пример: Он вскинул от починки, за которой сидел на лавке, голову и не поверил (Расп. Ж. 32); Reperował coś siedząc pochylony na ławie i z niedowierzaniem podniósł głowę (39).

В русском предложении содержатся значения четырех действий, в польском переводе их пять. Они морфологически выражены по-разному:

а) личной формой глагола в русском языке: вскинул (голову) — в польском: podniósł (głowę). не поверил — в польском: z niedowierzaniem (предложное выражение с отглагольным существительным), в русском: сидел — в польском: деепричастием siedząc.

б) субстантивной транспозицией глагола (синтаксическим дериватом) в русском языке: починка — в польском следует здесь личная форма: reperował (coś).

в) Редундантную информацию несет польское причастие pochylony. (ср. отсутствие такого слова в тексте подлинника), так как состояние субъекта действия, сохранение им определенной позиции тела за работой, обозначается отчетливо при помощи приставок со значением движения снизу вверх в словообразовательной структуре глаголов (вскинул — podniósł).

Кажется, все изменения структурного (т. е. деривационного и морфологического), а также стилистического характера, в переводе вызваны ограничениями употребительности, несовместимостью в данном определенном словесном окружении польского лексико-словообразовательного (словарного) эквивалента русского слова починка — 'naprawa, reperacja'. Если говорить об эквивалентности перевода в области передачи значений разных действий и состояний, то можно лишь отметить некоторую семан-

тическую неточность. Как нам кажется, русский глагол не поверил со значением психического действия следовало буквально перевести nie uwierzył. Переводчик, видимо, для стилистических целей немножко изменил семантическое наполнение существительного. От глагола uwierzyć образуется в польском языке синтаксический дериват (nie)uwierzenie, но это существительное не может выступать с предлогом z как наречное выражение в обстоятельственной функции. В этой роли зато может появляться родственное слово (nie)dowierzanie от глагола (nie)dowierzać 'не верить'. Подмена буквального словарного эквивалента родственным словом была возможна благодаря некоторому количеству общих сем у обоих глаголов.

Каждый текст обладает определенным количеством сем, свойственных конкретным словоформам в предложении. Хороший перевод характеризуется тем, что лексико-морфологическими средствами другого языка актуализирует он сходную сумму сем и дает читателю представление о действительности подлинника с характерным для него настроением, окраской, ассоциациями и коннотациями. Эти семы, как правило, не приписаны отдельным словам, а повторяются в разных словах определенного текста, и отсюда возможность перемещения их на разные другие словарные эквиваленты в переводном тексте. В некоторой связи со сказанным остается замечание Г. П. Мельникова: "Различие в строе языков приводит к различию в способах коммуникативной классификации конкретных и абстрактных смыслов и, следовательно, к специфике членения смыслов на значения при передаче ситуативного содержания"¹⁵.

Типичным примером адекватности перевода при асимметричности размещения сем могут служить следующие предложения: На воров сваливать нельзя: пойдет шум, начнут попытываться, поискиваться, и всплывет у кого-нибудь нечаянная догадка: почему воруют только у Гуськовых? (Расп. Ж. 35); *Trudno zwa-*

---

¹⁵Г. П. Мельников, Семантика и проблемы тюркологии, Советская тюркология (Баку) 1971, № 6, с. 11.

łać na złodziei: zacznie się gadanie, domysły, podejrzenia - i nagle komuś może przyjść do głowy: а czemu то крадną tylko u Guśków? (43).

НАЗВАНИЯ КАЧЕСТВЕННОГО ПРИЗНАКА

Как известно, значение качественного признака может выражаться прежде всего формами качественных прилагательных, откуда может переноситься в отприлагательные существительные, отприлагательные наречия, а также отприлагательные глаголы. Все эти транспозиции засвидетельствованы в анализируемых нами оригинальных и переводных текстах художественной литературы.

Обратимся к нескольким примерам. Русское прилагательное передается отадъективным существительным, ср.: Лицо ее не было веселым, но оно было спокойным и добрым, готовым в любой момент на улыбку (Расп. Ж. 28); Twarz jej nie promieniała wesołością, ale była to twarz spokojna i dobra, w każdej chwili gotowa do uśmiechu (34). /.../ это последние свободные и безопасные дни (Расп. Ж. 22); /.../ to już ostatnie dni wolności i beztroski (25).

Встречаются и обратные случаи, ср.: Особенно опасны были Майка с ее назойливостью и жена дяди Коли (Триф. Долг. 148); Najniebezpieczniejsze były wścibska Maja i żona wujka Koli /.../ (109), где словосочетание "с ее назойливостью", играющее атрибутивную роль, заменяется в переводе определением: "wścibska". Сложнее следующий пример: /.../ лицо в парной красноте (Тендр. находка 8); Twarz rozpalona od żaru ogniska (Znajda 121). Переводчик вместо словарного эквивалента русского прилагательного красный, синтаксическим дериватом которого является краснота (лица), употребил синонимическое прилагательное, ср.: szeregony (od żaru ogniska) = rozpalony (od żaru ogniska). Прилагательное парной в значении 'насыщенный испарениями, теплый, душный' (МАС) не переводится

дословно. Как нам кажется, приведенная выше передача смысла подлинника допустима, так как описываются в тексте происшествя у костра.

В обоих языках могут быть соответствующие друг другу отприлагательные существительные, ср.: Казалось, немота ей дана не в наказание, а в облегчение (Расп. Ж. 8); *Wydawało się, że swoją niemotę znosi nie jak karę, ale jak ulgę* (34). Часто такие существительные в разной мере подвергаются конкретизации, ср.: Случайный вопрос сбил наигранную веселость (Тендр. Тройка 85); *Przypadkowe pytanie zdmuchnęło nienaturalną wesołość* (116).

В последнем предложении эта конкретизация подчеркивается определениями: наигранная - *nienaturalna*. В следующих примерах наблюдаем некоторую градацию конкретизации отприлагательных существительных, ср.: Без нужды не заглядывают в эту глушь (Тендр. Тройка 77); *Bez potrzeby nikt nie zaglądał do głuchego zakątka* (102). Лет шестнадцать тому назад произошла неприятность (Тендр. Тройка 81); *Przed szesnastu laty wydarzyła się przrykta historia* (108). В "поисках", когда захватывающая группа в пять - шесть человек кидается в немецкую траншею, вообще не до хитростей (Расп. Ж. 24); *W czasie "wypraw", kiedy pięcio- czy sześćoosobowa grupa rzuca się na okop niemiecki, nie czas w ogóle na jakieś wybiegi* (27).

В лексической системе польского языка функционируют слова более или менее сходные по внешней форме и семантике с русскими прилагательными: веселый, глухой, неприятный, хитрый, ср.: *wesoły*, *głuchy*, *nieprzyjemny*, *chytry*. функционируют также сходные по форме отприлагательные существительные, ср.: веселость - *wesołość*, глушь - *głusza*, неприятность - *nieprzyjemność*, хитрость - *chytryść*. При системном сопоставлении этих слов в обоих языках можно сказать, что объем их лексических значений, как правило, совпадает, за исключением, пожалуй, слова хитрость, которое в русском языке, обозначая не отвлеченный признак хитрого, а конкретный 'хитрый посту-

пок, прием, уловку', употребляется в форме мн. ч. Таким образом, степень его конкретизации выше, чем польского chytryść. Способ передачи русских деадъективных существительных вызван прежде всего требованиями стиля, иногда ритма речи, ср.: возможный перевод: /.../ nikt nie zaglądał do (tej) gluszy. Неприятность переводится атрибутивным словосочетанием: синонимическое к nieprzyjemny прилагательное przykry и, в данном контексте, обедненное лексически слово historia. Только в последнем случае нужно из-за несовпадения значений хитрость - chytryść употребить неродственное с русским слово wybieg (wybiegi).

Приведем еще несколько предложений, в которых наблюдается интересное варьирование морфологического способа передачи значения признака: именем прилагательным, существительным или наречием: /.../ в глазах - тоскливая накипь, знакомая с детства (Тендр. Под. 3); w oczach ten sam smutek, dobrze znanu z dzieciństwa (Jętko 7). - Знаешь же, чего и спрашиваешь, - с ленькой неприязнью ответил тот (Тендр. Находка 7); - Jak wiesz, to czego pytasz - powoli, nieprzyjaznym tonem odparł rybak (Znajda 120). Маленькие, пол насупленными бровями глаза сонно угрюмоваты (Тендр. Тройка 73); Małe, senne i ponure oczy pod ściągniętymi brwiami (Trójka 94). Вокруг тихо (Быков. Третья 5); Jest cisza (7). Nie było i przymrozku, tylko w całym powietrzu stała szklana przejrzystość, zapowiedź mrozu i zimy (Iwaszk. Dzień. 189); Заморозков тоже не было, и только прозрачный, как будто стеклянный воздух предвещал зиму и холода (199). /.../ на закате тускло блеснуло днище (Тендр. Тройка 78); /.../ i w blasku zachodu błysnęło matowe dno łodzi (103). Не страшал ее, не вздрагивал при каждом звуке, а сидел молча, потерянно, убито. сидел и не мог ничего сказать (Расп. Ж. 34); Nie straszył jej, nie wzdygał się przy każdym dźwięku, siedział w milczeniu przybity i zgaszony, siedział i nie mógł wymówić słowa (41).

Очень часто наречие (синтаксический дериват) в составе сказуемого нуждается в переводе атрибутивным словосочетанием:

с существительным, в некоторой степени обедненным лексически, дублирующим лексические семы глагольного предиката, ср.: Кажалось, что Бахарь любит эту кобылицу по-старчески безнадежно - крепко и грустно (Шол. Тих. 46); Wydawało mu się, że Bachar kocha tę klacz - starczą beznadziejną, mocną a smutną miłością (75). Похожий пример: Есть ли у него родня, есть ли хоть на свете человек, который бы искренне, от души пожалел его? (Тендр. Тройка 80); Czy ma rodzinę, czy ktokolwiek na świecie darzy go szczerym uczuciem? (107).

Иногда в польском языке требуется поддержка именем существительным и обстоятельственным значения русского наречия, ср.: Полные губы ее /.../ сложились по-детски грустно и обиженно (Фад. Молод. 12); Jej pełne wargi /.../ ułożyły się jakoś po dziecinnemu - wyrażały smutek i poczucie krzywdy (135). Парень недобро сощурил наглые глаза (Тендр. Находка 8); Młody mężczyzna o seglastej twarzy z niedobrym uśmiechem zmrużył bezczelne oczy (121). В тексте подлинника не говорится об улыбке (uśmiechu). Это слово было нужно лишь для передачи признака действия.

В следующем польском переводе явственнее проявляется значение причины, ср.: Лешка вдруг остановился, удивленно раскрыл рот, стал всматриваться /.../ (Тендр. Тройка 77); Wtem Loszka przystanął, otworzył usta ze zdziwienia i zaczął wpatrywać się przed siebie (102).

Выше упоминалось о том, что значение качественного признака может передаваться и глагольными формами. Приводимые ниже примеры доказывают это, хотя О. П. Ермакова не считает таких глаголов синтаксическими дериватами¹⁶, ср.: Там, где сейчас магазин "Мясо", желтел деревянный дачный заборчик (Триф. Долг. 127); Там, gdzie teraz jest sklep "Mięso", stał żółty letniskowy parkanik (83).

В обоих языках есть отприлагательные глаголы со значением выделения признака, и поэтому была возможность употребления глагола żółcić się вместо описательной конструкции:

¹⁶О. П. Ермакова, указ. соч.

stał żółty parkanik. В следующем предложении, наоборот, такой возможности нет, ср.: От Иркутска приходилось осторожничать изо всех сил (Расп. Ж. 29); Od Irkucka trzeba było zachowywać niezwykłą ostrożność (35), так как польский язык не обладает аналогичной словообразовательной моделью глаголов.

Можно однако встретить случаи перевода имен прилагательных отприлагательными глаголами в составе предиката, ср.:/.../ на секунду бледное небритое лицо стало неподвижным, замкнутым, скучным (Тендр. Тройка 85); Jego blada nieogolona twarz znieruchomiała, przybierając zamknięty i otępsiały wyraz (116).

НАЗВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПРИЗНАКА

Некоторые относительные прилагательные, обозначающие отношение к предмету, названному основой прилагательного, можно считать синтаксическими дериватами в силу их явно транспозиционного характера. Очень показателен в этом отношении способ передачи таких слов на польский язык, где чаще всего в переводе раскрывается одно определенное мотивационное отношение. Обобщенное относительное значение русского прилагательного конкретизируется в польских именных словосочетаниях с предлогами, ср.:

вышла в кулисный зал (Триф. Долг. 146); wyszła do sali za kulisami (106).

поехали /.../ на Шукинский пляж (Триф. Долг. 160); pojechali /.../ na plażę pod Szczukino (115).

взгляд /.../ скользил по скучной заоконной белизне (Триф. Долг. 213); wzrok /.../ przemykał po monotonnej bieli za oknem (179).

Он включил настольную лампу (Триф. Долг. 198); Zapalił lampę na biurku (162).

после крымского отдыха (Триф. Долг. 141); po wczasach na Krymie (100).

Ходил в пижамных штанах и в майке по дому (Триф. Долг. 138); Chodził po domu w spodniach od piżamy i w podkoszulku (96).

Мясные пироги - pierogi z mięsem.

Встречается также перевод словосочетаниями с родительным падежом без предлогов, ср.:

Кабаткий механизм - mechanizm szynku.

/.../ не любил бывать в актерских компаниях (Триф. Долг. 161); /.../ nie lubił przebywać w towarzystwie aktorów (117).

Режиссерская месть - zemsta reżysera.

Добапаловская жизнь Реброва волновала Лялю (Триф. Долг. 204); Lale pasjonowało życie Grisy przed przeprowadzką na Basałówkę (170).

Конечно, и польскому языку свойственны прилагательные рассматриваемого типа, ср.: овошной магазин - sklep warzywny, но обувной магазин (Триф. Долг. 143); sklep z obuwiami (102).

Допускается однако и форма: sklep obuwniczy.

О возможности свободного варьирования перевода в области форм передачи относительного признака свидетельствуют тоже следующие примеры: Старый город у моря (Триф. Долг. 127); Stare miasto nadmorskie (83). /.../ вроде детской сказки о войне в Корее (Триф. Долг. 162); Coś w rodzaju bajki dla dzieci o wojnie koreańskiej (118).

Трудно на основании приведенных примеров делать обобщения, потому что анализируемые предложения почерпнуты из нескольких лишь произведений, и они иногда могут свидетельствовать только, например, о стиле данного писателя, о манере переводчика, а не о закономерностях сопоставляемых языков. Но несмотря на указанные ограничения, конъюнктативное исследование словообразования родственных славянских языков на уровне функционирования дериватов в текстах помогает вскрыть их структурное (морфемное, транспозиционное) значение и лексическую семантику, не связанную с морфемным, словообразовательным составом слова в обоих сопоставляемых языках.

Наши рассуждения о роли синтаксических дериватов в текстах художественной литературы, об анализе этих текстов с учетом всех видов стилистической и эмоционально-экспрессивной отмеченности, разных пресуппозиций и всех других коннотационных ассоциаций, хочется закончить высказыванием А. А. Брагиной, которое, как нельзя лучше, оправдывает цель настоящей статьи: "Сопоставление языков обуславливает более адекватное осмысление их структур, семантики их грамматических категорий. Теоретическое и практическое знание родного языка (и это не очевидная истина, а истина, часто забываемая) позволяет с наибольшей полнотой и глубиной осваивать чужой язык"¹⁷.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ И СЛОВАРЕЙ

- Быков, Третья - В. Быков, Третья ракета - Дожить до рассвета, Ленинград 1981, Лениздат.
W. Bykow, Trzecia rakietą, Doczekać do świtu, przełożyli E. Kabatc i J. Litwiniuk, Warszawa 1979, PIW.
- Iwaszk. Dzień - J. Iwaszkiewicz, Dzień listopadowy, Warszawa 1984, Czytelnik.
- Я. Ивашкевич, Ноябрьский день, перевод М. Эфрос, Собр. соч., т. IV, Художественная литература, Москва 1978.
- Расп. Ж. - В. Распутин, Живи и помни, Советский писатель, Москва 1980.
W. Rasputin, Żyj i pamiętaj, przełożył J. Pański, Warszawa 1977, Czytelnik.
- Тендр. Находка - В. Тендряков, Находка, Советская Россия, Москва 1966; (содержание: Находка - Тройка, семерка, туз - Суд и др.).
- Тендр. Тройка - см. выше.

¹⁷А. А. Брагина, Русский язык как основа семантико-грамматических сопоставлений, /в:/ Тилы языковых общностей и методы их изучения, Москва 1984, с. 22.

- Тендр. Под. - В. Тендряков, Поденка - век короткий, Советский писатель, Москва 1967.
- W. Tiendriakow, Jętką jednodniówką, Znajda, przełożyła H. Klemińska, Warszawa 1968, PIW.
- W. Tiendriakow, Trójką, siódemką, as, Opowiadania, tłumaczył Z. Feddecki, Warszawa 1983, Książka i Wiedza.
- Триф. Долг. - Ю. Трифонов, Долгое прощание, /в:/ Избранное, Роман. Повести, Вышейшая школа, Минск 1983.
- J. Trifonow, Bilans wstępny, Długie pożegnania, przełożył Z. Feddecki, Warszawa 1974, PIW.
- Фад. Молод. - А. Фадеев, Молодая гвардия, Ленинград 1969, Лениздат.
- А. Fadiejew, Młoda Gwardia.
- Шол. Тих. - М. Шолохов, Тихий Дон, кн. 3, Москва 1962, Гослитиздат.
- M. Szołochow, Cichy Don, tom III, tłumaczył W. Rogowicz, Warszawa 1955, Czytelnik.
- МАС - Словарь русского языка в 4 томах, АН СССР, Ин-т рус. яз., ТИС, Москва 1957 - 1961. .